

УДК 101.9(470)

**«НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ, НЕ МЕНЯЯ СЕБЯ»
(Интервью с В.В. Скоробогатким)¹**

Интервью подготовила и провела И. Фан*

В.В. Скоробогаткий (6.06.1948 г.) – первый проректор Уральской академии государственной службы, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. В настоящее время он является членом Ученого совета УрАГС, членом ряда диссертационных советов на соискание ученой степени доктора наук – по социологии Д 502.009.01 при УрАГС, по политологии – Д 004.018.01 при ИФиП УрО РАН, по философии – Д 212.286.02 при УрГУ, а также членом Объединенного совета по гуманитарным наукам УрО РАН. Автор около 100 публикаций. Среди них монографии: По ту сторону марксизма (1991); Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи (1997); Социокультурный анализ власти (2002); Общество и власть в эпоху перемен (2007).

— Вячеслав Васильевич, как родилась концепция Вашей докторской диссертации «Культурно-исторические основания классического марксизма» (1992)?

— Я задумался над одной загадкой: почему К. Маркс, собираясь после издания первого тома (1867 г.) в течение двух-трех лет написать второй и третий тома «Капитала», кроме работы «Гражданская война во Франции», опубликованной в 1872 г., ничего больше не написал? Я предположил, что К. Маркс, положив в основу «Капитала» гегелевскую логическую конструкцию, попал в теоретический тупик. Это стало очевидным на фоне России, которая ввиду начавшихся в ней революционных процессов не вписывалась в эту конструкцию. До этого Маркс и Энгельс критически относились к России, отмечая ее роль «жандарма Европы» и не замечая нового в русской жизни. Их представления о России изменились, когда в 1870 г. они познакомились с русским революционером Г.А. Лопатиным. Этот европейски образованный молодой человек попросил разрешения на перевод «Капитала» на русский язык и познакомил их с обстановкой в российском революционном движении. Он в то время собирался в Якутию освобождать Н.Г. Чернышевского. Встреча с Лопатиным заставила Маркса задуматься о специфике России. Контуры новой философско-историче-

---

¹ Данный текст представляет собой фрагмент серии бесед, состоявшихся в феврале 2008 г.

* Сведения об авторе подробнее см. на с. 257.

ской концепции Маркса можно найти в ряде его писем и набросок. Но к завершению «Капитала» он потерял всякий интерес. Поэтому я согласен с выводом первого руководителя института Маркса-Энгельса Рязанова, который после изучения архивов пришел к выводу: второй и третий том «Капитала» принадлежат перу Энгельса, а не Маркса, хотя вышли под именем последнего. Русские марксисты на свой лад завершили тот поворот в теории Маркса, перед которым остановился основоположник учения. Предметом моего анализа стали те культурно-исторические особенности России, которые наложили отпечаток на формирование русской версии марксизма и привели к его фактическому вырождению у Сталина.

— Что Вы сейчас думаете о периоде 1989–1991 гг. на факультете, когда деканом были Вы?

— Мой период на факультете – это громко сказано, я стал деканом на излете перестройки и был им всего год с небольшим. Сначала предыстория. О моем вступлении в партию в годы аспирантуры и позже речь не шла, причем видимых причин для этого не было. Отсутствие членства в партии для преподавателя в то время означало определенную неполноту гражданских прав: невозможность стажировок и работы преподавателем за границей, участия в обсуждении всех факультетских дел, ограничения в карьере и т.д. Тогда существовали нормативы для вступления в партию по социальному происхождению, профессии, статусу, полу и т.д. А.В. Гайда подсказал выход. Преподаватель мог вступить в партию на основе своеобразной сделки: я проработал три года комиссаром зонального студенческого стройотряда, после чего в 1983 г. был принят в КПСС. В 1984 г. меня выбрали секретарем партбюро факультета. Тогда практиковались весенние процедуры комплектования кафедр общественных наук в горкоме КПСС. Рядовые преподаватели зачастую не подозревали, что основные итоги их работы являются предметом тщательного анализа и оценки. В ходе такого комплектования принималось решение, кого оставить на кафедре, кого рекомендовать к повышению в должности, кого перевести в другой вуз, на «укрепление». Как секретарь партбюро я стал участником этих совещаний. Со стороны горкома КПСС нас курировал Н. Воронин, мой однокурсник. Возможно, поэтому Любутин предоставил мне возможность вести дискуссию в горкоме, отстаивая ту или иную кандидатуру. Мы с Любутиным обсуждали каждый случай, он охотно делился опытом общения с должностными лицами. В основном удавалось сохранять имеющиеся кадры. Деканом я стал в 1989 г.

Несколько слов об историческом контексте. Духовный взлет, вызванный перестройкой, состоялся. Но рожденные самим временем, а не Горбачевым, иллюзии о возможности быстрого построе-

ния нового общества в нашей стране стали фоном и причиной для столь же скорого разочарования и негативной оценки перестройки. Мы все оставались марксистами, нам казалось, что если мы нашли руководящую идею, то все свершится в результате нескольких лет самоотверженного труда. Но, во-первых, мы не были готовы к такому труду. В последние годы большинство населения разучилось работать. Во-вторых, утопией оказалась сама мысль, что идея может стать руководящей силой преобразования действительности. Это убеждение – наследие марксизма и большое заблуждение. Нельзя изменить реальность, не меняя себя. Человек – не функция от реальности. Нельзя думать, что жизнь станет другой, а ты можешь оставаться неизменным. Реальность – это и есть жизнь каждого. Все требовали перемен, но начать их хотели не с себя, а с другого. Такая общая обстановка своеобразно отражалась и на факультете.

Приступая к обязанностям декана, я считал необходимым внести определенные изменения в жизнь факультета. Мне казалось, что требуется омоложение кадров, что необходимо создать систему, при которой талантливые аспиранты могли бы пополнить и обновить профессорско-преподавательский состав. Это предполагало изменение работы со способной молодежью. Для решения задачи я предлагал следующие меры: 1) один из пяти научных сборников факультета отдать для публикации результатов исследований молодых ученых – аспирантов и студентов. Редактором этого сборника должен был стать А.В. Перцев; 2) обновить преподавательский состав за счет увольнения тех преподавателей, работа которых вызывает обоснованные замечания со стороны студентов; 3) из числа самых одаренных студентов создать группу-200. (Последнее предложение родилось по инициативе студентов. После окончания первого курса ко мне пришли отличники, замечательные ребята, и попросили выделить их в отдельную группу, предоставив преподавателей по их выбору. Я эту инициативу поддержал. Однако руководством она была расценена как педагогически неверная мера, популизм, потакание зазнавшимся).

Предложения обсуждались на собраниях и открытых возражений не вызвали. Однако голосования на ученом совете факультета по каждому из них заканчивались со счетом 6:7 не в мою пользу. Таким образом, у меня не оказалось необходимых ресурсов для проведения задуманных преобразований, которых требовали студенты, с одной стороны, и здравый смысл, с другой. До сих пор я убежден, что направление перемен было выбрано правильно. Но осуществить их демократическим путем оказалось невозможно. Авторитарной власти у меня не было и быть не могло. Руководству университета также не нужны были расколы или склоки. Да и мне не хотелось открытого противостояния сторонников и противников изменений, настроив студентов «против» или «за» кого-то. Возможно, я был наивен с точки зрения управления. Жизнь в «дистиллированной»

атмосфере факультета не давала навыков участия в реальной политике. У меня был опыт управления в зональном стройотряде, но там своя специфика. Очевидно, необходимо было в большей степени использовать дипломатические и психологические приемы, даже определенную манипуляцию, нужна была предварительная долговременная работа с людьми. Но мне тайная дипломатия и «хитрые» приемы казались противоестественными. Подводило романтическое понимание демократии. Эта беда не только моя. Судьба М. Горбачева тоже говорит об этом. «Прорабы перестройки», наши «архимеды», решились перевернуть 1/6 часть планеты, но не справились с этим. Нельзя изменить жизнь людей к лучшему в течение пятидесяти лет. Люди могут и должны менять свою жизнь сами. К худшему же прийти можно, породив кризисы, гражданские войны и т.д. Привычки, стереотипы людей – не рубашка, которую можно быстро снять и заменить новой. Любые социальные реформы – долговременный эволюционный, органический процесс. Революционные прыжки ничего не решают. Наверное, надо было переболеть болезнью «революционного нетерпения», натолкнуться на инерцию, чтобы осознать выводы, которые можно сделать сегодня.

Наутро после праздничного юбилея по поводу 70-летия университета я подал ректору заявление об уходе. П.Е. Суетин подписал его через 15 минут. Мы остались с ним в добрых отношениях. Очевидно, мое личное ощущение ненужности совпало с его оценкой положения дел. Мы с факультетом стали чужими друг другу. В 1990 г. я осознал то, что в 1974 г. смутно ощущал по поводу другого человека – Г. Бурбулиса. То, что хотелось сделать, было не в моих силах, а просто выполнять рутинные обязанности я не умел. Всякая рутина – заседания, совещания, приказы, разносы – сама по себе, без программы перемен для меня интереса не представляла. Ее можно терпеть, когда она составляет лишь часть и фон основной работы. В этом смысле я не создан для управленческой рутины.

— *Чем был для Вас переход на работу в Институт философии и права в 1990 г.?*

— В сентябре 1987 г. А.В. Гайда настойчиво предлагал мне с командой коллег по университету перейти в Институт философии и права, создание которого проектировалось. Тогда я не был готов к жизни ученого, поскольку воспитывался в традициях университетской науки. Академическая наука для меня была новой. Сдерживала еще и незавершенность докторской диссертации. Осенью 1990 г. А.В. Гайда повторил свое предложение и я принял его, задержавшись до юбилея университета – нашей альма-матер. В Институте философии я проработал чуть больше одного года. В октябре 1990 г. я пришел на должность старшего научного сотрудника, не включен-

ного ни в какие организационные структуры. В это время моя монография «По ту сторону марксизма» была отдана в издательство, какое-то время я был свободен от чего-то обязательного. Это был единственный год в моей жизни, когда я мог спокойно, без спешки и аврала подвести итог предшествующих исследований. Завершение цикла моих исследований совпало с окончанием перестройки, что дало уникальную для обществоведа возможность непосредственно соотнесения теории с ее объектом.

Диссертацию я защищал в форме доклада на основании совокупности научных работ – около трех десятков крупных статей, глав в коллективных монографиях и монографии «По ту сторону марксизма». Представляемый к защите доклад включал традиционные пункты, аналогичные рубрикам автореферата, а также специфический раздел, посвященный логике исследования в содержании тех работ, что были представлены к защите. Мне необходимо было объединить эти публикации в рамках одного проблемного поля и продемонстрировать определенную эволюцию авторской концепции.

Это неожиданное занятие, предусмотренное регламентом защиты, имело полезный для меня смысл. Предшествующие 10-12 лет я, как оказалось, занимался одним предметом. Вычерчивал его каким-то интуитивным образом, когда одна проблема цеплялась за другую, и решение одной задачи помогало решать следующую. Оказалось, что в этом своеобразном проблемном и тематическом калейдоскопе есть логика. На мое счастье, то, что было выстроено задним числом как предмет диссертации, изначально имело характер единой проблемы. Наверное, я мог бы выстроить и другие версии логики исследования. Но в этом случае я бы защищал другую диссертацию. Занятый формулировкой основных положений диссертации и будучи автономной единицей, в Институте философии и права я оказался в известном смысле на отшибе. В это время там в инициативном порядке, усилиями проблемных групп В.А. Лоскутова и Ю.Г. Ершова складывалась проблематика философских исследований. Моя работа шла параллельно. Тематика исследования проблемных групп и моей работы пересекалась лишь в одном пункте: выяснение и анализ причин, обусловивших становление и внезапный распад советско-коммунистической системы в России.

1980-е гг. для меня были отмечены апатией с точки зрения настоящего научного творчества. К 1990 г. в контексте перемен в практической политике страны апатия сменилась определенным приливом сил, быстро вызрела основная тема докторской диссертации. Формально говоря, тему ее можно передать так: приключения коммунистической идеи, ее перенос в Россию, расцвет и гибель коммунизма в XX в. – в основном в России, поскольку в остальных странах это явление было периферийным или производным. Меня интересовало три вопроса. Во-первых, в силу каких особенностей

европейской истории и культуры вызревает ключевая идея Маркса о возможности «прыжка из царства необходимости в царство свободы»? Имея в виду несомненное различие России и Европы, пришлось задать второй вопрос: почему эта идея не дала должных ростков в Европе и, напротив, получила бурное осуществление в России? Наконец, третьим был вопрос о трансформациях, которые претерпела идея Маркса в ходе русской революции. Генезис, развитие и оборачивание идеи коммунизма составляло основное содержание работы, ее текст, а сравнительный анализ истории и культуры России и Европы – ее контекст. В рамках диссертации контекст выполнял служебную роль, с его помощью я попытался выяснить направление и степень трансформации идеи Маркса, европейской по происхождению, в российских условиях. После защиты докторской диссертации сравнительный анализ истории и культуры Европы и России стал самостоятельной и главной темой последующих работ.

— Помимо выполнения обязанностей проректора, Вы до сих пор совмещаете и преподавание, и занятия наукой. При этом Вы ориентируетесь на университетский образ вуза и ученого-преподавателя?

— Отличия между университетской и академической науки заключаются не в том, что университетский преподаватель занимается наукой в свободное от преподавания время, и не в том, что это нечто вроде малооплачиваемого хобби. Это есть, но не это главное. Более глубокое различие заключается в том, что в университете без занятия наукой невозможно преподавать на современном уровне. Это был бы уровень ПТУ или института старого типа. Задача университета – нести студентам самые последние знания, в чем-то спорные, приучать их к заведомой неполноте знаний, к тому, что знания нуждаются в систематическом углублении, дополнении, в опровержении и отказе от каких-то из них. Академическая наука изготавливает продукты, предназначенные для науки, техники и других сфер общественной жизни. Главный продукт университетской науки – выпускник университета, включая и его преподавателей. Даже если выпускник университета идет работать в практическую сферу, то и там он не будет исключительно репродуктором выученных истин, но будет вносить в стереотипы своей деятельности что-то новое, свежее. В академической науке следующая ситуация: есть открытия, есть умные люди, но организация науки – никудышная: отсутствует защита авторских прав, во многом утрачена связь с практикой и т.д. Но самое главное – организация, как и везде, существует поверх людей, превращая ученого в винтик машины.

Потребности индустриализации заставили создать организацию для планового производства научного результата, здесь берет начало

концепция Академии наук СССР. Она появилась как фабрика по ускоренному производству нужного знания. Чтобы точно в цель летели наши ракеты и с разрушительным эффектом взрывались наши атомные бомбы. Отстроенная при Сталине структура производства научных знаний устарела и не отвечает потребностям нынешней эпохи. Но почему мы сейчас, в XXI в., пятимся, идем, глядя назад? Мы – в другой эпохе, а организация науки – старая. Ситуация похожа на ту, что описана М. Булгаковым в «Мастере и Маргарите», когда Бегемот и Коровьев-Фагот рассуждают о Союзе писателей. В ответ на восторженную речь Фагота, что под крышей писательского дома вызревает целая бездна талантов, Бегемот замечает: «Как в оранжерее». Академическая организация науки – та же оранжерея, которая должна выращивать таланты. Но в истории Российской академии наук почему-то так получается, что ломоносовы рождаются не внутри, а вне ее системы. Возможно, для любой сферы творчества и культуры Система вообще противопоказана. Известно, что в Петербурге, бывшем в XVIII–XIX вв. олицетворением империи, не появилось на свет ни одного выдающегося деятеля российской науки и культуры, кроме А. Блока. Все масштабные личности – ученые, литераторы, художники, начиная с М. Ломоносова и заканчивая В. Ульяновым-Лениным, приехали из глубинки. На мой взгляд, Академия наук – система, отвечающая принципу имперской организации, и одновременно – это фабрика индустриальной эпохи. Постиндустриальное общество требует демассификации научной работы, возвращения к индивидуальному, надомному труду. Идеи создаются одиночками – эйнштейнами, а не коллективами. Для реализации идей, для процесса их практического внедрения, безусловно, нужна фабрика, этого никто не отрицает. Но генерирование идей – всегда процесс личный. Поэтому сегодня нужна организация науки, а создание условий для научной деятельности, нужен конкурс талантов.

Я всегда бессознательно побаивался академической науки. Конечно, в настоящее время есть успешно работающие академические институты. Их сейчас слабо финансируют и поэтому не спрашивают с каждого, чем он занимается. Есть свобода творчества. Но если бы финансирование осуществлялось на том уровне, как это было в 1920–1930-е гг.?! Есть ряд произведений художественной литературы – «Другая жизнь» Ю. Трифонова, «Пушкинский дом» А. Битова и другие, где описана жизнь в академических институтах. Большая контора, план выпуска научной продукции и т.д. Даже в гуманитарных науках – то же поточное производство продуктов, которые являются подгонкой под заранее заданные ответы. В США и ряде других стран нет академии наук, но наука успешно развивается в рамках университетских корпораций. В чем причины непродуктивности академической организации науки, почему она вытесняет талантливых людей? На мой взгляд, дело в том, что научное исследование как таковое подчинено внешним задачам – либо требовани-

ям организации, либо подготовке и защите диссертаций, на что уходит время и затрачиваются огромные усилия.

— *Иностранцы отмечают позитивное значение публичности защиты диссертаций в России.*

— Дело не в публичности защиты. Можно, конечно, посоветовать Гарвардскому университету проводить защиты публично. Но, очевидно, есть обратная сторона – цена данного мероприятия: время и усилия, затраченные на защиту, стоят денег. Гораздо эффективнее другое. По рассказам старожилы университета, у математиков был в ходу неофициальный семинар, который и давал взвешенную оценку того или иного представленного научного продукта. Заседание диссертационного совета лишь формально подтверждало эту оценку. Я бы доверился С.П. Капице в физике, А.Ф. Лосеву в философии, Д.С. Лихачеву в филологических науках и т.д. Вслед за старыми авторитетами подрастают новые. Главное – обсуждение диссертаций и их оценка со стороны авторитетных ученых в данной отрасли знания. Для этого достаточно клубной и даже домашней формы защиты. У нас много лишнего в предзащитных мероприятиях. Много ступенчатая процедура защиты и контроля ее результатов со стороны ВАК не избавляет от халтуры, не дает никаких гарантий получения действительно нового и качественного научного результата. Нам не нужно такое количество кандидатов наук. Кандидатский диплом можно было бы вручать по итогам защиты диплома в вузе тем выпускникам, которых рекомендуют для поступления в аспирантуру или на работу на кафедре. Число соискателей упадет в десятки раз. Когда диссертационный совет работает как фабрика, качество продукта ухудшается. Суть публичной защиты – в диспуте по поводу совокупности идей, имеющих важное научное и практическое значение. Но сколько идей такого масштаба появляется? В начале XX в. в России был десяток действительно выдающихся философов, предложивших оригинальные идеи. Сейчас у нас огромное количество докторов, но сколько из них настоящих? Даже в царское время организация науки была лучше, чем сейчас, поскольку она строилась на основе университетов. Наверное, можно было бы создать отдельную академию технических наук, нацеленную на производство прикладного знания, в том числе для военно-промышленного комплекса. Но остальную науку необходимо освободить от жесткой организации, дать ей более свободную форму, подобную той, что была ей присуща в дореволюционное время. Существовали же общества путешественников, любителей словесности и т.д.

Мы до сих пор находимся в плену прошлого – конструкции науки, созданной в советское время. Сейчас предпринимаются попытки что-то изменить в этой организации. Но при этом не ставится вопрос, вписывается ли старая конструкция в новую реаль-

ность? Ссылки на нашу изначальную специфику здесь не должны приниматься во внимание. Нам не хватает клубного, самодеятельного начала в деятельности научного сообщества. Главная проблема заключается в том, каким образом можно совместить Академию наук с творчеством, поиском нового. Иными словами, как сочетать план, на который ориентировалась АН СССР, и заказ, или систему грантов? Решение этой проблемы потребует усилий по изучению многообразного опыта организации науки, в том числе и западного. У научно-технического сектора заказчик будет всегда, им может быть и военно-промышленный комплекс, и гражданский. У сектора гуманитарного, социально-экономического знания нет заказчика, кроме государства, ему нужна финансовая и иная поддержка, но в свободной, а не плановой форме. Нужны клубы, научные школы, которые складываются на основе признания и существуют по принципу самоорганизации и самоуправления. Это даже хорошо, что в области социального знания нет привилегированного заказчика, благодаря этому сохраняется его свобода. Работу можно было бы вести в рамках университетской науки, именно университет может стать заказчиком для этих наук и базовым элементом новой организации социально-гуманитарного знания. В обществе в последнее время обсуждается идея создания 20-50 крупных университетов. Чтобы остановиться на конкретном варианте развития науки, необходимо определить приоритеты: в каком направлении должна развиваться наука, чем должна заниматься Академия наук и т.д. То, что сегодня в России долбелевский лауреат появляется лишь один раз в 5-10 лет – это сигнал, говорящий о проблемной ситуации в науке. А разговоры о том, что «нас засуживают», надоели, они уводят от решения реальных проблем.

Возможно, именно моя ориентация на университетский образ науки привела к тому, что в Академии госслужбы я оказался проректором, отвечающим за реформы. Я по-прежнему продолжаю преподавать, но в меньших объемах. Сейчас читаю курс лекций по политологии для менеджеров и юристов, спецкурс «Власть и политика в современной России», а также спецкурс «Российская ментальность и политическая практика» – проблема, которая составляет мой научный интерес уже давно, со времени увлечения философией истории. Эти занятия, как ни странно, помогают мне и в бюрократической работе смотреть на ситуацию с точки зрения запросов завтрашнего дня. Моя задача – искать пути в будущее. Академия госслужбы всегда работала на опережение, так как мы заранее готовили и предлагали коллективу проекты ее развития, варианты нового. Иногда это вызывало неодобрение или непонимание сотрудников и преподавателей. Но когда приходило время перемен, оказывалось, что реформы не застигли нас врасплох и мы к ним уже подготовлены. «Когда едешь на тигре, самое опасное – остановиться!» Это я с детства, со времен занятия шахматами помню. Если уж мы ввязали-

лись в решение задачи построить вуз нового типа, рано считать эту задачу выполненной или неразрешимой.

— ***Как Вы считаете, каково нынешнее состояние социальных наук в России? Каково место политического знания, не вышло ли оно вперед по сравнению с другими философскими науками?***

— Думаю, нет. Может быть, я далеко не все понимаю в политологии, но 7-8 лет преподавания показывают следующее. Сегодня политология по сути остается разделом социологической теории, как это было во времена М. Вебера. На уровне прикладных исследований, возможно, и появилась определенная специфика политической науки. Но эта специфика связана не столько с особенностями теоретико-методологических средств этой науки, сколько со спецификой объекта приложения этих средств. В политологии, по крайней мере, в политической теории, сохраняется существенная зависимость от философии. Там, где политическая наука не так тесно связана с социологией, она смыкается с политической философией. Я не уверен, что политология должна быть отдельной учебной дисциплиной, и не знаю, должна ли она быть самостоятельной наукой. Думаю, что Аристотель был прав, когда говорил, что «человек – существо политическое». Политические проблемы должны быть ключевыми для философии, во-первых, и для всего корпуса общественных наук, во-вторых. Человек живет в обществе, поэтому проблема поиска согласия, разрешения конфликтов, защиты его прав и свобод – это не узкодисциплинарный вопрос, но комплексный, и не только теоретический, но и практический. Та политология, которая преподается, уже своего реального предмета. Дисциплинарные рамки достаточно условны, они принадлежат конкретной эпохе и определяются ею. Отдельной культурно-исторической ситуации соответствует и особая схема дифференциации научного знания, временам Платона одна, а Гоббса – другая. К тому же особое место политического знания сейчас определяется тем, что политический режим демократии требует, чтобы гражданин выполнял свои общественные обязанности со знанием дела. Это способствует актуализации политического знания. Поэтому сегодня в отличие от времени Платона или Гоббса мы говорим о политологии как самостоятельной учебной и научной дисциплине.

— ***Какие проблемы Вы считаете самыми острыми для сегодняшней политической ситуации в России?***

— На мой взгляд, ключевой проблемой для реальной российской политики является признание прав и свобод личности в качестве

краеугольного камня деятельности любых властных структур – законодательной и судебной власти, правоохранительных органов и т.д. Парадоксально, Россия считает себя православной страной, но при этом в ней всеми, сверху донизу игнорируется важнейшая установка христианства о бессмертии души человека, о том, что человек есть образ и подобие Божье. Это означает, что человек выше государства. Здесь стоит вспомнить слова Фомы Аквинского: человек – творение Бога, а государство – всего лишь творение рук человека. Фома понимал это еще в XIII в., по существу он первым выдвинул идею правового государства. Тогда как наши державники-патриоты, апеллируя к православию, ставят государство выше человека. К сожалению, приходится констатировать, что в России эта идея первостепенного значения прав и свобод человека не стала категорическим императивом деятельности не только политиков, лидеров и органов нашего государства, но и до сих пор не принята обществом. Средний гражданин не готов защищать свои права как последний жизненный рубеж. Неукорененность этой идеи в нашем политическом сознании и жизни – главное препятствие, мешающее успеху наших начинаний, экономических и социальных реформ, а также нашим отношениям с Западом. Без реализации этого принципа любые демократические конструкции становятся декорациями. Надо помнить, что сталинская конституция была одной из самых демократичных в свое время, но – за малым пустяком. Иностранцам, приезжавшим к нам в 1930-е гг. и читавшим ту конституцию, и в голову не могло прийти, что в СССР могут не исполняться требования конституции, гарантирующие соблюдение гражданских прав и свобод. Но такой «пустяк» является базисом для реализации демократических принципов, без которого ничто другое не может быть построено. При его отсутствии все остальное останется лишь декларацией. Я до сих пор не вполне понимаю, почему на Западе все другое – гражданская жизнь, экономика, государство, ведь европейцы или американцы не умнее и не лучше нас.

Отказ от защиты прав и свобод личности образует ту черную дыру, в которую проваливаются все наши усилия, все результаты реформ. Невероятная энергия, которую отдал наш народ в последней войне, оказывается затраченной напрасно, поскольку результатом победы стал расцвет личной диктатуры Сталина. Если бы эту энергию направить на главное – на соблюдение прав и свобод личности! Даже небольшие хрущевские «по послабления» в сфере гражданских прав дали удивительный эффект: освоение космоса, расцвет искусства – театра, кино, поэзии, литературы. Стоит лишь чуть-чуть повернуться к человеку, как тут же становятся очевидными огромные возможности общества и государства. Однако сегодня это не очень получается. На вопрос, почему это происходит, существует немало ответов, но при этом мы не обращаем внимания на то, действительно ли в нашем обществе соблюдаются права и свободы человека? Мо-

жет быть, сейчас они соблюдаются на 150% по мерке 1960-х гг. Но дело-то в том, что по мерке 2008 г. этого уже мало. И оказывается, что хотя и есть какие-то результаты, но качество жизни в целом не соответствует требованиям и возможностям времени. Если смотреть на положение дел в гуманитарной сфере трезво, надо признать, что не только государство, но и общество еще не готово признать первенство прав и свобод человека основополагающей идеей, за которую каждый готов отдать жизнь скорее, чем поступится своими правами. Естественные права – жизнь, свобода, собственность – принадлежат нам от рождения. Но у большинства населения нет внутренней убежденности в том, что их ценность не уступает ценности самой жизни. Необходимо исходить из христианской идеи о том, что Бог наделил нас даром свободы, что человек свободен, потому он должен отстаивать этот дар и защищать. И за это он ответствен перед Богом. Однако у нас не так. За Родину мы готовы положить жизнь, и это стоит того, но за собственные права – нет. В сегодняшней России много риторики со стороны официальных лиц, заверений в приверженности России православию, вечным христианским ценностям и т.п., но это все показное, обрядовое. Суть христианской традиции заключается не в риторике и обрядоверии, не в том, чтобы подчинить светское образование церковному контролю, а в другом – в том, чтобы воспитать уважение к человеку как образу и подобию Божьему, чтобы поддержать самоуважение в каждом из нас.

— Назовите несколько самых опасных политических мифов, характерных для массового сознания россиян в настоящее время.

— Выражение «политический миф» у нас зачастую употребляется неверно. Миф – это культурная почва истории, с мифами бороться не следует. То, что имеется в виду, правильно было бы назвать как у Бэкона «идолами сознания» – ложными ценностями, идейными химерами. Наиболее распространенным идолом нашего политического сознания является, прежде всего, «державность». Это слово возникло путем разделения на части слова «самодержавие», родившегося еще при Иване III. Как понятие оно указывало на суверенитет нового государства. В настоящее время в слове «держава» улавливается следующий смысл: это государство со склонностью к агрессии, к доминированию над соседями. Вспомним начало «Золотого петушка» А.С. Пушкина:

Жил-был славный царь Додон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело...

Держава, на мой взгляд, – это пугало, которое мы воздвигаем для других, маскируя нашу слабость. Державная риторика свидетельствует о том, что основные интересы политических лидеров направлены не на решение внутренних проблем, а куда-то вовне – на защиту Косово и т.п. Косово, возможно, и надо защищать, но должны быть расставлены приоритеты. Главное – способствовать удовлетворению потребностей граждан внутри страны. США эффективны на внешнеполитической сцене потому, что выстроили мощный внутренний фундамент защиты интересов и благополучия граждан. Отсюда и превосходство в качестве экономики, демократии, киноискусства и т.д. Еще один идол политического сознания – об особой духовности России: мы духовны, а они – Запад – живут мещанской жизнью. Стоит включить телевизор или зайти в книжный магазин, чтобы иллюзии по этому поводу развеялись. Ссылки на тлетворное влияние Запада несостоятельны. Когда я слышу отборный мат в студенческой толпе, сами собой отпадают эти доводы – не американцы их этому научили. Это наше, собственное. Есть грустная песня группы «Високосный год» на этот счет: «Наши дети ругаются матом, нас самих почти не осталось...» Вместо того, чтобы засучить рукава и направить усилия на исправление недостатков, у нас создают этих идолов сознания и пытаются на какое-то время ускользнуть от проблем. Мы надеемся на чудо, на авось. Пока высокие цены на нефть на мировом рынке помогают нам перевести дух. Но когда они, не дай Бог, упадут, снова возникнет мучительный вопрос: «Что делать?» Тогда мы задумаемся и займемся самобичеванием... Наша история движется какими-то циклами, колеблется между периодами критики и сотворения идолов, полюсами самобичевания и самооправдания. Обидно то, что это движение «туда-обратно» мало что меняет в реальной жизни. Перемены идут, но часто под давлением лишь внешних обстоятельств. А еще – под влиянием сравнительно небольшой группы соотечественников, достигших определенных успехов в бизнесе, управлении, культуре. Но это меньшинство. В большой массе людей стремление следовать этому меньшинству не заметно. Напряженный труд – не самое любимое занятие россиян.

— Но, может быть, в России защищать свои права – неблагодарное занятие, поскольку наша судебная система в этом человека не поддерживает, да и знает ли рядовой человек о своих правах?

— На дворе не XVIII в., чтобы питать иллюзии Просвещения о том, что людей надо чему-то учить, просвещать, воспитывать! Человек рождается свободным. Собственная интуиция должна подсказыв-

вать каждому человеку: ты сам отвечаешь за свои права и свободы! Этому учат Библия, классическая литература, Конституция РФ. Правовое государство у нас есть лишь на бумаге. Для того чтобы оно стало реальностью, не хватает убежденности людей в необходимости самим защищать свои права. Еще А.С. Пушкин говорил, что русский человек – ленив и нелюбопытен. Имеется в виду, конечно, большинство, среди которого есть и исключения. Тем не менее, это так до сих пор. Российские проблемы – действительно наши проблемы. В их существовании никто не виноват – ни «всемирный заговор», ни Пентагон, ни Моссад, ни масоны или Китай. Противника несложно выдумать. Но сегодня лишь меньшинство общества пытается решать проблемы и тянет лямку напряженного труда.

— Поделитесь Вашими наблюдениями по поводу деятельности диссертационных советов и качества защищаемых работ.

— В связи с работой в диссертационных советах мне приходится сталкиваться с двумя фактами. Дай Бог, если 10% защищаемых диссертаций действительно представляют оригинальные концепции и разработки, показывают новые научные результаты. Диссертация представляет собой квалификационное сочинение. Часто эффект новизны в большинстве средних по уровню диссертаций достигается не яркостью идей диссертанта, а является следствием того, что он прошел определенную научную школу. Его работа выступает составной частью научного направления или школы, она вносит свой вклад. Такие работы полезны, но в них нет ярких вспышек, они характеризуются доработкой каких-то принятых в данной школе положений, систематизацией материала. И отрицательные результаты тоже важны. Определенным показателем качества тех или иных работ являются споры членов диссертационных советов, как правило, такие споры возникают либо по поводу ярких, оригинальных работ, либо по поводу весьма слабых.

На мой взгляд, избыточной является двухступенчатая система защит – «кандидат-доктор». Можно было бы дать университетам право присваивать первую ученую степень, чтобы новоиспеченный кандидат наук мог идти работать преподавателем или научным сотрудником, а оставить только защиту докторской диссертации. Вот тогда можно было бы устраивать диспут. Защиты стали бы редкими, а работы более качественными. Присвоение первой, начальной степени за квалификационную работу – это дело вузов. Но у нас действует еще такой государственный орган как ВАК. По моему мнению, право самостоятельно решать вопрос о присуждении первой квалификационной степени необходимо предоставить вузам. Конечно, существует еще такая проблема, как признание диплома, обще-

ственное или государственное, и не только у нас, но и на Западе. Но суть дела заключается в том, что мы сами делаем из диплома заманчивую для проходимца вещь, а потом думаем, как защититься от него. Надо изменить ценность диплома. На это как раз работает двухуровневая система высшего образования «бакалавриат-магистратура». Магистерская степень может заменить кандидатскую и дать человеку возможность успешно работать по специальности. В нынешнем виде наша кандидатская степень выглядит завершением вузовского образования и подчеркивает неполноту университетского диплома специалиста. Сегодня кандидатская защита – лишняя ступень, на достижение которой у человека зачастую уходит пять-десять лет жизни. Эти дополнительные сложности и видимость строго государственного контроля связаны с сохранением сталинской бюрократической централизации во всех сферах жизни, в том числе в науке.

**— Какой научной проблемой Вы сейчас занимаетесь?
Как продвигается Ваша новая книга?**

— Это не секрет, вот уже более десяти лет я пишу книгу «Бурбулис и другие: портрет героя на фоне времени». Это попытка написать историю нашего поколения на фоне происходящего. Пишу в некоем междисциплинарном жанре между наукой и литературой, соединяя различные приемы. О степени готовности сказать сложно. Иногда кажется, что еще полгода – и поставишь точку, а иногда углубишься в какой-либо аспект или поворот сюжета, и процесс затягивается. Концепция книги уже сложилась, четыре из пяти разделов готовы. Так что пишу, не ставя перед собой никаких сроков. Параллельно я работаю над второй книгой. За годы исследований накопилось собрание самых разных текстов, которые концентрируются вокруг темы «Что такое Россия?» Мой ответ на этот вопрос: Россия – это Пушкин. В русской литературе есть несколько сквозных тем. Одна из них – пространство, начинающееся с А. Пушкина и заканчивающееся М. Булгаковым. Вторая часть книги будет посвящена взгляду постороннего на Россию. Интересно рассмотреть проблему России сквозь призму философии Канта. Я выделил несколько основных тем для анализа: автономия личности, категорический императив, трансцендентальное единство апперцепции. С первой темой все более или менее ясно. Вторая связана с исследованием возможности утверждения первенства морального долга перед всеми другими требованиями и нормами, с рассмотрением известной максимы И. Канта. Третья тема касается некоей интеллектуальной вспышки, замыкания в целое трех ипостасей человеческого разума – теоретического, практического и художественного. Когда это замыкание происходит, возникает некое озарение, «культурный взрыв», раздвига-

ются горизонты и рождается таблица Менделеева или «Борис Годунов». После этого вслед за поэтом можно сказать: «Ай да Пушкин...».

Таковы три критерия, через которые я пытаюсь посмотреть на проблему России и на особенности нашей культуры. Неужели мы страна, у которой есть какие-то фатальные преграды к успеху? Или мы пытаемся наши особенности выдать за фатальные преграды, мешающие нам жить достойно? Ф.М. Достоевский в «пушкинской речи» говорил об универсальной восприимчивости русской души, о ее способности впитывать и переводить на русский язык материал чужих культур. Наша чуждость Западу – выдумка, цель которой – скрыть от нас самих собственные лень и нелюбознательность. Пушкин – человек мира. Проблема национально-культурного определения – не проблема выбора. Культура – всеобщее достояние человечества. Национальная идентичность – это в первую очередь культурная идентичность. Отсюда понятна универсальная восприимчивость русской души. Есть границы, отделяющие одну культуру от другой, и надо быть весьма осторожным, чтобы не повредить традицию. Интерес к чужому, не разрушающий традицию, – вот что необходимо нам всем. Слабые боятся чужого, поскольку им нечего противопоставить. Россия XVIII в. демонстрировала стремление к новому, без всякого страха утратить идентичность. Это бесстрашие перед чужой культурой. Но есть периоды, когда выбор переходит в избирательность, которая в свою очередь влечет за собой отказ от нового. Тогда громко звучит державная риторика, направленная против иноземного влияния.

RESUME

**«One cannot change the world without changing oneself»
(V.V. Skorobogatsky interviewed by I.B. Fan*)**

Материал поступил в редколлегию 17.03.2008 г.

---

* Resume see on p. 278.